

Каткова

O. Eumova

Дар

12+

Оксана Есипова

Дар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67716438

SelfPub; 2024

Аннотация

У моей прабабки были магические способности. У моей бабки. У мамы. У тетки. И даже у сестры. У меня – не было. Зато у меня были густые рыжие кудрявые волосы, зеленые глаза с длинными жгуче-черными ресницами и высокие скулы. И всё это я бы с удовольствием отдала за право стать в один ряд со своим родом. И вот однажды произошло долгожданное чудо. Но недаром говорят – бойся своих желаний. Когда ты дитя двух воюющих могущественных кланов и от тебя зависит будущее мира, поневоле задумаешься, этого ли ты хотела!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Оксана Есипова

Дар

Глава 1

У моей прабабки были магические способности. У моей бабушки. У мамы. У тётки. И даже у сестры. У меня – не было. Зато у меня густые рыжие кудрявые волосы, зеленые глаза с длинными жгуче – черными ресницами и высокие скулы. В нашей семье среди всех талантливых женщин, отмеченных печатью дара, я одна внешне похожа на ведьму. А потому – визитная карточка нашей семьи.

В мои обязанности входит открыть клиенту дверь, посмотреть строго и томно из-под опущенных ресниц. Затем, неспешно покачивая бедрами, проводить в полумрак комнаты, в святая святых – место, где творят колдовство мои не слишком привлекательные родственницы.

Ещё у меня есть черный кот подранок – Дар. Маленький дрожащий комочек я отобрала у стаи собак, а потом отстояла и в своей семье – кота успели подрать и для приема гостей он не годился. Но я была непреклонна – если выкинут кот, ухожу и я.

Как вы понимаете, готовила и всё делала по дому тоже я. Остальные были слишком заняты ритуалами, изготовлением

зелий и талисманов, сбором трав – даже до этого меня не допускали. Я собирала только грибы и лесные ягоды.

За ужином собиралась вся семья. Звенели амулеты и талисманы, из карманов появлялись на свет новые зелья, состав и ингредиенты которых горячо обсуждались. Хвастались гонорарами, предсказывали погоду, делились забавными историями. Я тоскливо прижимала к себе Дара – мне сказать было нечего. За порогом меня ждала огромная корзина грибов, и посуда после ужина сама себя не вымоет. Я тихо встала из-за стола и проскользнула на задний двор. Полежу в стог сена – полчаса, но мои. Глаза устало закрылись.

Проснулась я от диких пронзительных воплей. Когда я убежала в избу, там уже никто не кричал. Четыре самые близкие мне в мире женщины плавали в лужах своей крови. По дому металась тень с шапками на лице, безошибочно доставая деньги из заначек, выгребая драгоценные камни, круша все, что для них не представляло ценности. Хрустели под ногами разбитые пузырьки с зельями.

– Дар! – громко позвала я котенка, немало не заботясь о собственной безопасности, – Дар, где ты?

Тень прекратила метаться и слаженно двинулась по направлению ко мне. Но мне было уже все равно. Тяжёлая волна ненависти захлестнула меня. Понимая, что это последний миг, я страшно закричала:

– Кто вы?

На силуэтах синхронно лопнули маски, и я узнала ком-

панию, которая была у нас на прошлой неделе. Купили несколько лечебных отваров и спросили дорогу. Не зря мне не понравилось, как жадно их бегающие глаза обшаривали избу. А сейчас они равнодушно перешагивали через неподвижные тела моих родных, приближаясь ко мне.

Этого не могло быть на самом деле! Я хотела проснуться, услышать смех за столом, пойти уныло чистить грибы.

– Гори все синим пламенем! – завопила я, и в избе красиво и страшно вспыхнули четыре силуэта.

Впитывая их крики, я поняла, что наконец-то обрела Дар – сильный, неистовый, неукротимый. Он пульсировал, бился внутри меня и просился наружу. Только вот цена, заплаченная за него, была слишком велика.

– Дар! – сквозь слезы прошептала я и проснулась в колючем стогу.

Из избы доносились смех и голоса. Рядом тихо урчал, прижавшись ко мне, котенок.

– Сон? Такой яркой сон? – не поверила я, – Да гори все... – я осеклась, увидев, как у меня под ногами неспешно загорелась солома, и поспешила затоптать робкое пламя.

Кажется, грибами и посудой отныне заниматься буду не я.

Глава 2

– Проходите, ждем вас, – я улыбнулась в меру таинственно, в меру строго (знай, куда пришел, тут дела серьезные творятся – чай, не бордель).

Пропустила клиента в полумрак клетушки, где сегодня принимала тетка. Дверь захлопнулась, и я непроизвольно вздрогнула и чуть не уронила свечу. Если вы подумали, что я встречала клиента с зажженной свечой, то вы почти угадали – я должна была его так встречать! Но я встречала его со свечой за спиной — нормально, как все люди, зажечь не успела, а тренировки снова ничего не дали.

Прошло уже два месяца с обретения мною дара – дара стихии огня. За это время с помощью него я подожгла ненавидимые мною половички у входа, пару мышей, которые внезапно для меня, на свою беду, попытались пробежать по избе, тарелку манки, которую как в детстве попыталась запихнуть в меня мама, и взбесившую меня своим нытьем сестру. Последнюю сразу же потушили.

Зато мама весь вечер не могла успокоиться, причитая, что такой бестолочи, как я, и дар достался неуправляемый и бестолковый. Все, мол, никак у людей.

Но зажечь свечу или что-то полезное в нужный момент по желанию так и не смогла. Вот и сейчас я тупо тарасилась на свечу добрых два часа. Попытка подключить эмоции, а

именно разозлиться на свечу, с треском провалилась. Злилась я только на себя за напрасно потраченное время. Ужасного монстра на месте свечи моё воображение тоже рисовало с неохотой. Ничего не происходило. Я пялилась на свечу, она в ответ на меня. Ни я, ни она от взглядов друг друга не зажигались.

Приходилось признать – даром управлять я не умела. Видимо, права мама.

Кроме тетки и меня, в избе никого не было. Остальные с рассвета собирали травы. Меня не взяли по двум весомым, на взгляд моей родни, причинам. Во-первых, нужно было встречать клиентов тетки. Два месяца назад я устроила бунт, твердо заявив, что более я не привратник – секретарь. Мои милые родственницы честно попытались сами встречать клиентов. Из семи назначенных в тот день пятеро продемонстрировали не самые чистые пятки и вернуться более не пожелали.

Улыбки у моих дам на любителя, и среди клиентов таких оказалось немного. Мне пришлось вернуться к своим обязанностям.

Во-вторых – в прошлый раз я подожгла все собранные травы. Мама, заоравшая на меня, что я перевязать пучки нормально не могу, руки не оттуда растут, свою вину не признавала. Собранное спасти не удалось. Я с досадой покосилась на свечу, строптивый предмет ответил мне тем же, за что был сурово брошен на лавку к уютно свернувшемуся пу-

шистому Дару. Сама присела рядом, притянула к себе кота, вытянула изящные ножки с маленькими аккуратными ступнями. Красивые... да и сама я ничего – а толку!

За закрытой дверью слышалось монотонное бормотание тётки и опасливое кряхтение клиента. Значит, надолго. И я могу немного отдохнуть без надоедливых криков над ухом о том, какая я дармоедка. Устало закрыла глаза.

Мне снилось, что я снова маленькая, и меня заперли в сарае за то, что прыгала с деревенскими мальчишками через большой разведенный костер. Только в этот раз мама забила дверь гвоздями. Удар, еще удар.

– Мама, не надо! Я больше не буду! – я проснулась, дрожа, но стук не прекращался, стучали в дверь.

Как же зажечь проклятую свечу? Я выбрала лучшую из своих фирменных ведьминых улыбок и открыла дверь.

– Привет, это тебе, – он улыбался открыто и нежно, протягивая мне букет из огненно-красных маков, – бери же!

Я не видела его почти семь лет, с нашего последнего крестового дворового похода за соседской черешней. Послушно взяв букет, я сжала его двумя руками вместе со злополучной свечой и застыла на пороге тихим изваянием, любуясь сильными плечами, ладной фигурой и большими умными карими глазами старого друга.

– Можно войти? Чаем напоишь?

– Прости, у нас клиент. А вечером заготовка трав, – неуверенно пробормотала я.

– Хорошо, тогда может погуляем, как освободишься? – он шагнул ко мне, наклоняя голову и на короткий миг касаясь волосами моего лба.

За эти несколько секунд тысячи воспоминаний безумным потоком пронесли у меня в голове. За нами бежит разъяренный сосед, а я, самая мелкая из всей деревенской шпаны, бегу последней. Сердце выпрыгивает из груди. Впереди высокий забор, который мне никак не одолеть. Но сильные руки друга подтягивают меня. Мы сидим вдвоем у ночной реки, захлеб смеемся и едим черешню. Сок течет по моим губам, по моим рукам, под ногтями черным-черно. Я счастлива и не думаю о неизбежной домашней расплате.

Всполохи факелов около моей избы и нервная родня, перевернувшая в поисках меня вверх дном всю деревню. Большая чашка чая с травами в моих руках. Мама долго и путано объясняет, почему мы должны общаться только внутри семьи. Сизый неровный туман в голове, словно от вина.

Медленно наползающее отвращение ко всем мальчишкам, юношам, мужчинам. *Нельзя, неправильно, невозможно! Мы – жрицы магии. Магии истинной, женской. Мужчины нужны лишь для продолжения рода.*

– Извини, я не могу, – я отвечала очень тихо и очень серьезно.

Твердо. Не запинаясь. Он внимательно посмотрел мне в глаза, осторожно за подбородок поднял мою голову, едва коснулся моих губ своими губами и, чуть помедлив, развер-

нулся и ушел. Я спешно прикоснулась к губам, мне почудилось, что они горят ярким, живым, настоящим пламенем. Нет, просто показалось.

Вечером после ужина все дружно разбирали травы. Мама изредка улыбалась сестре и привычно ворчала на меня. Мне было все равно. Я отложила колющий руки пучок и взяла в руки свечу. Кажется, мама что-то недовольно выговаривала мне, я не слышала, а крепко сжимала многострадальную свечу руками.

Все исчезло, кроме мимолетного прикосновения его волос, невнятного запаха кожи, пламени на моих плотно сжатых губах. Свеча укоризненно посмотрела на меня и фитиль затрепетал неровным пламенем. За столом все притихли, тетка бросилась ко мне и обняла за плечи.

– Я могу, – твердо сказала я.

– Да, умница, кажется, у тебя получилось, – удивленно пробормотала мама, – завтра попробуем еще.

– Нет, я могу. Могу встречаться с мужчинами. И сегодня я иду на свидание, – я поднялась, прижала к себе урчащего Дара и открыла дверь.

Глава 3

Я безмятежно задрала голову наверх и навстречу мне качнулось ночное звездное небо. Казалось, что звезды не удержатся на своих небесных местах и посыпятся мне за ворот, как муравьи. Я тихонько засмеялась от этой странной мысли.

– Что-то вспомнила? – тут же чутко среагировал любимый, прижимая меня к себе еще крепче, и, не дожидаясь ответа, без перехода спросил, – А ты, наверно, на отца похожа? Я никогда его не видел.

Мне внезапно стало холодно. Я тоже никогда не видела своего отца, и меня это совершенно не тревожило. Но впервые в жизни я задалась простым вопросом: почему я так не похожа внешне (и не только!) на своих родственниц? И почему этот вопрос раньше никогда не приходил мне в голову.

Я молча подбросила в затухающий костер дров, стрельнула глазами, разжигая его посильнее.

Мне было нечего ответить любимому. Внутри меня росло чувство, что что-то непоправимо сломалось этой ночью и уже никогда не будет прежним.

Мое положение в доме в последнее время изменилось.

Я по-прежнему не принимала клиентов, мне просто нечего им было предложить. Но я устраивала при входе небольшое шоу. Запускала гостя в полумрак избы, давала в руку свечу и, смакуя заклинание на несуществующем языке (вот тут я отрывалась по полной, раз от раза все больше пугая домашних безумной фантазией и гортанными звуками), торжественно зажигала ее взглядом. Если у меня было хорошее настроение, то к этому я добавляла не менее эффектное разжигание очага.

Столь впечатляющая демонстрация возможностей нашей семьи работала, и количество «пустых» (отказавшихся от услуг) клиентов сократилось вдвое. Пушистый Дар разделял мой триумф. Как-то я забыла запереть его до прихода клиента. В момент появления пламени котёнок издал такой пробирающий до глубины души «мяв», что посетитель подскочил, и почти без сознания упал на руки подоспевших из своих клетушек родственниц. В момент озвучивания завышенной в расчете на торг цены за услуги мужчина был способен только согласно кивать. Теперь Дар работал в паре со мной, и дармоедами нас обоих уже не называли.

Дома нетерпеливую меня, жаждущую ответов, ждал нечаянный подарок. Несмотря на позднее время, точнее уже раннее утро, мама не спала. Она сидела в одиночестве у стола, равнодушно и вяло перебирая кварц и горный хрусталь. Я повела глазами, и очаг послушно разгорелся ярче.

– Мама, кто мой отец? Почему я так не похожа на вас? – спросила я тихо, смешивая травы для чая.

– Отец? Ты же знаешь. В нашем роду мы бываем с мужчинами только в ночь Бельтайна, – она осуждающе поджала губы, ибо я нарушила все запреты и уже месяц безнаказанно наслаждалась любовью, – и я не помню ни лица, ни имени. В ночь костров я могла бы выбрать любого, это не имеет значения. Чтобы передать по роду нашу магию, нужно следовать ритуалу. Так поступали все в нашем роду. И поэтому сила ещё с нами! Это закон! – излишне торжественно закончила мама.

Да, я слышала это не раз и всегда этот ответ полностью удовлетворял меня, но не сегодня. По тому, как мама отводила от меня взгляд, как суетливо замельтешили её руки, бездумно перекладывая камни, как сбилось дыхание, – я поняла: она врет мне. И еще я знала, что месяц назад я бы этого не заметила. Другая, столь же простая и незамысловатая, но тем не менее ни разу не приходящая мне на ум мысль пронзила меня – мама все детство шпыняла меня, ругала – не потому, что я была бездарной и бестолковой, я зря винила себя за неуклюжесть. Я что-то напоминала ей, имеющей железную выдержку, проводящей иногда более десяти часов подряд за сложными ритуалами, что-то столь болезненное, что это прорывалось наружу и заставляло срываться на родной дочери. Или кого-то.

– Мама, расскажи, – мягко попросила я.

Она молча подняла на меня искаженное болью лицо, во влажных глазах отражалось пламя очага. Я поняла: она не скажет. Мама хранила эту тайну, болела ей и болеет до сих пор. Тайна так и умрет с ней, и я последняя, кому она её откроет. Бессилие затопило меня изнутри и выродилось в волну гнева, я в ярости подняла глаза на очаг. Я имела право знать! И пламя в очаге расколосось надвое, открыв в огне картинку.

Молодая, смеющаяся мама бежит по весеннему лесу за руку с зеленоглазым кудрявым рыжим незнакомцем, поразительно напомнившим мне моё собственное отражение в зеркале. Вот она зацепилась за корягу и упала, он, смеясь, опустился рядом, зарываясь лицом в ее волосы, привлекая к себе. Густая высокая трава, под маминой рукой примялась земляника.

Июнь! Так вот она, тайна моего рождения! Мама полюбила. Они, действительно, встретились в ночь Бельтайна. Но слишком увлеклись друг другом, и страшный ритуал, от которого рождались в нашем роду сильные, но страшные внешне девочки – будущие ведьмы (всё имеет свою цену) мама провести не смогла, потому что в этом случае она теряла его навсегда. Меня зачали позже, не в ночь костров, а ярким теплым июньским днем, под оглушительное пение птиц и голо-

вokружительный запах земляники.

И родилась я, красивая, но бездарная, как все думали долгое время. И глядя на меня, мама видела не мои ошибки, а свою – главную: мое неправильное рождение, предательство своего рода. Только я открыла свой дар, мама, потому что любовь – это тоже сила. Он растет во мне, мама, и я могу все больше!

За спиной вскрикнула мама, и я поняла, что картины в огне были видны не только мне. Я повернулась к матери, но она указывала на огонь, и я поспешно повернулась обратно: в огне был мой любимый с маленькой рыжей девочкой на руках.

Нет ничего вкуснее травяного чая, заваренного настоящей ведьмой на заре. Нет ничего крепче искренних маминых объятий. В это утро мы больше не говорили. Что-то родное, главное, настоящее, колдовское вышло из огня и село рядом с нами. И навсегда примирило нас.

Может быть, имя ему – любовь?

Глава 4

– Нет! – закричала я и запустила ни в чем не повинную чашку с остывшим чаем в очаг.

Чашка обиженно тренькнула и раскололась на тройку черепков на полу, не долетев до места назначения. Разбуженный Дар осторожно подкрался к осколкам и лужице, лизнул, проверяя, и недоуменно поднял на меня глаза. Бесконечно преданный мне пушистый зверек никогда не осуждал меня, и его вопросительное удивление неприятно меня задело.

– Да не психую я, – я сгребла покорно притихшего кота в охапку и потерлась щекой о его черную шерстку, – просто...

Просто я не могла объяснить даже своему коту, какими безмятежными и счастливыми казались мне сейчас предыдущие три месяца.

Я наслаждалась своими новыми возможностями, наконец-то принимая клиентов. Впервые я узнала, что такое семейная гармония. Мы вполне сносно ладили с мамой, хотя откровенных разговоров у нас больше не случалось. Бабушка тепло улыбалась. Тетка искренне радовалась за меня и в тайне от ревнивой сестры учила своим маленьким премудростям. Даже косые взгляды сестренки казались милыми и ничуть не раздражали. И самое важное: я была любимой и любила, я видела в огне нашу пока еще не рожденную дочь. Сердце моё каждый раз при этом воспоминании танцевало

неистовый страстный танец где-то в глубине моей грудной клетки.

Была в этом и ложка дегтя. В наш последний разговор мама взяла с меня слово, что месяц я не буду ходить на свидания с любимым. *Мол, дар твой, хоть и не без помощи любви обретенный, требует сосредоточения и внимания, закрепи его, уделяя внимание должное.* Я кивнула. Да будет так! Ходить на свидания не будем, но смотреть через плетень друг на друга нам никто не запрещал.

И мы смотрели. Каждый вечер. Я научилась призывать тысячи светлячков, и они пылали под нашими ногами, замыкая нас в яркий круг ожидания чуда. Он приносил мне цветы. Каждый день разные. Не кидал мне, просто стоял с ними, подносил к губам, небрежно играл лепестками. Я улыбалась, мне страстно хотелось убрать все преграды между нам. От моих мыслей потихоньку начинал тлеть плетень. Любимый тут же бросался к нему, сбивая едва зарождающееся пламя, не отводя глаз от меня.

Я моргнула, спеша убрать пелену закипающих от ярости слез на глазах. Все было неправдой! Там, в огне очага передней, разведенного не для предсказания, а тепла и уюта, я случайно увидела картину, которая зачеркнула мой идеально прорисованный мир, потому что по закону энтропии такой мир в реальности неизбежно разваливается.

Так распадаются в огне головешки, открывая правду мне, способной повелевать огненной стихией. Там, в пламени,

двое влюбленных праздновали торжество своей страсти, разбавляя её смехом и бесстыдством. Мой старый друг детства и та, чьё лицо я не знала и хотела позабыть как можно скорее.

Хотелось крушить и ломать, но под рукой, кроме пушистого Дара, тихонько, но все же ощутимо прикусившего мне пальцы, в надежде привлечь внимание, ничего и никого не было, и я просто застонала. Было два варианта, и я не знаю, какой нравился мне меньше. Первый состоял в том, что мой дар не работал или работал со странными сбоями, а второй – в том, что любимый изменял мне или скоро изменит. Что бы вы выбрали?

Грозная ведьма, повелительница стихии огня в моем лице выбрала сидеть за столом с застывшим перекошенным лицом и пялиться в потухший очаг. К двери подходил очередной клиент, но тряпка у порога предупреждающе полыхнула вместо приветствия, и клиент понятно испарился.

За спиной зашаркали знакомые шаги, повеяло лавандой. Бабушка. Она не была красавицей, но в свои девяноста два выглядела едва ли на пятьдесят пять. Самая мудрая представительница нашего рода никогда не сутулилась, держалась прямо и тихо, редко вмешивалась в семейные разборки. Но если ей случалось открыть рот, все неизменно замолкали и последнее слово было только за ней.

Шестьдесят процентов клиентов нашей семьи приходили только к ней, и никакими скидками их не удавалось передать остальным. Но самое главное – я никогда не слышала, как

она работает. За клиентом закрывалась дверь в ее клетушку, и оттуда не доносилось ни звука. Мелкими мы с сестрой не могли сдерживать любопытства и подбегали к двери подслушать, но с нами случались маленькие неприятности: мы поскользнулись и бухались в невесть откуда взявшуюся лужу, от ручки двери било мелкими разрядами, а порой случалось так, что вот только ты поднес ухо к двери – а уже сидишь на грядке с луком в огороде и не помнишь, как тут оказался.

– Давай, покажи! – без тени улыбки бабушка кивнула на очаг.

Но я застыла на стуле онемевшим извоянием. Тогда бабушка прищурилась на очаг сама – и в нем послушно загорелось пламя. Меня чуть удар не хватил – я считала себя единственной, кто был способен на такое в нашей семье. Пламя раскололось надвое, повторяя трансляцию, и мое лицо затопили слезы. Вытерев их, я увидела стоящую передо мной чашку с травяным чаем, с пола исчезли осколки, а бабушки рядом не было.

Вечером я смотрела в не очень чистое окно с ползающим по нему деловитым паучком. Любимый не пришел. Паучок сплел небольшую паутину в углу рамы, а я пришла к неутешительным, выворачивающим меня наизнанку выводам.

– По крайней мере, с моим Даром все в порядке, – не громко, себе под нос пробормотала я, но была услышана.

– Ты не одна ведьма в этой семье, – многозначительно произнесла бабушка, и посмотрела на дверь, которая как раз

заскрипела под чьей-то открывающей ее рукой.

Глава 5

В дверь вошла раскрасневшаяся сестра, смущенная нашими пристальными взглядами. Левую руку, со сжимающими какой-то предмет пальцами, она прятала за спиной. Немного трясущейся рукой поправила выбившиеся волосы, неровной походкой направилась к своей клетушке. Но её неуверенный вид и загадочные слова бабушки сделали свое дело, и с лавки, твердо преграждая дорогу сестре, поднялась не апатичная влюблённая дура с разбитыми ожиданиями, а опасная хладнокровная ведьма, готовая любой ценой вырвать правду. Но бабушка проворно встала минутой раньше и уже сделала шаг вперед, отодвигая меня на задний план.

Губы ее не шевелились, но в моем мозгу отчетливо прозвучал бабушкин голос: «Подожди! Я сама!» Не успев удивиться и окончательно осознать, что произошло, я услышала следом у себя в голове противный истеричный голос сестры: «Я ничего не сделала!»

Так, из сундука семейных тайн вытащили на свет новую. Сколько же там еще осталось? Стиснув зубы, с неослабевающей досадой я вспомнила, как в детстве мама, бабушка и тетка могли долго и многозначительно обмениваться взглядами, а потом кто-то из них объявлял наказание мелким нашкодившим девчонкам в лице вашей покорной слуги и ее сестры, а остальные согласно кивали головами. А я-то удив-

лялась, откуда такое единодушие.

Все это время они коварно имели свой выделенный канал связи, доступ к которому для нас не просто был закрыт, мы не имели ни малейшего понятия о его существовании. По вытянувшемуся лицу сестры было видно, что происходящее стало сюрпризом и для нее.

Между тем, на семейном канале продолжали накаляться страсти. «Милая, просто отдай то, что у тебя в руке», – в голове звучали мягкие, вкрадчивые интонации бабушкиного голоса, которые, впрочем, могли обмануть только человека, никогда не имевшего с ней дела, то есть никак не мою сестру.

Тяжело дышащая сестра, не посмея послушаться, послушно разжала пальцы и выронила на пол предмет, который тут же поспешно затоптала ногой. Тревожно захрустели осколки. «Спасибо», – бабушка была невозмутима и нисколько не расстроена. «Иди подбери», – это уже мне.

Я машинально, но твердо сдвинула побледневшую сестру рукой, подобрала осколки от пузырька. Перевела взгляд на бабушку, подарившую мне надежду. «Ты знаешь, что надо делать», – повелительно зазвучал её голос в наших головах, и я сделала шаг к очагу, мимо сжавшейся в панике в комок сестры. При других обстоятельствах я бы пожалела её – потерянная, несчастная, с мокрым от слез лицом и искаженным взглядом, она застыла статуей отчаянья. Но сейчас меня интересовало другое – от взмаха моих ресниц загорелся огонь, и в него полетели подобранные с пола осколки.

Не скрывая торжества, я гордо выпрямилась, догадываясь, что увижу в подвластном мне огне:

Сестра, неловко склонившаяся в ночи над ступкой. Пузырьки зелья-дурмана под ее кроватью, и она сама, лежащая на кровати без сна с открытыми в глухую темноту глазами. А вот она на пороге избы, где живет мой милый друг. Они приветливо улыбаются друг другу, и она передает вино – «подарок от меня».

Он вежливо приглашает ее пройти выпить вместе с ним. Любимый с бокалом жадно ловит ее слова о том, как я скупаю по нему, как говорю о нем каждую минуту, вышиваю ему рубаху (я передернула плечами – больше рукоделия в данный момент я ненавидела только свою сестру), машинально отпивает глоток за глотком отраву, которая призвана навсегда разрушить нашу любовь. А на следующий день он теряет голову от девушки, которую первой встретил на дороге.

Сестра не приворожила его к себе. Слишком опасно! Прозрачной, как стекло, видна была бы истина для ведающих женщин. А может, просто не хватило сил? «Так твоей целью была не любовь, а ненависть? Ты так меня ненавидишь, что хотела лишить меня любви? За что?» – я спрашивала, зная ответ. Зависть. Моя красота, открытый недавно, но так быстро развивающийся дар, любовь с мужчиной, которой она никогда не знала.

«Нет, нет, нет!» – она плакала, размазывая слезы по искаженному горем лицу. «Я всего лишь хотела вернуть тебя в

семью. Мужчины – зло, а ты про это забыла!» Я не верила, моя рука поднялась для возмездия. Кто знает, не опалила ли бы эта пощечина огнем щёку сестры, умоляюще смотревшей на меня, навсегда раскрасив её шрамами. Было понятно, что сестра не будет уклоняться. Она была готова принять справедливое наказание.

Но мне на руки прыгнул непонятно откуда взявшийся пушистый Дар, протяжно мяукнул – не вслух, а на нашем канале (да что происходит-то сегодня!) и впервые в жизни сильно, до крови укусил меня за руку. «Она не знала», – мягко произнес бабушкин голос, – «Действительно, не знала. Вы поговорили с мамой, мы с тетей были в курсе, потому что наши мысли связаны воедино. Но вы с сестрой еще не были способны общаться с нами телепатически. Ей никто ничего не объяснил. Ни я, ни мама. А ты с головой ушла в любовь. Вы не виделись, но все твои мысли были только о нём. Сестра боролась за семью, так, как она это понимала. Посмотри, как вы обе выросли сегодня.»

Сестра тихо рыдала на лавке. Дар, который никогда не признавал никого, кроме меня, устроился рядом, прижавшись к ней теплым боком. Предатель! Я прижалась носом к холодному окну, подставила ладонь, и на нее послушно скользнул ждавший меня паучок. «Смотри!» – сестра послушно подняла голову, и паучок загорелся на моей ладони.

Глава 6

Я открыла дверь и быстро отпрянула назад, туда, где падающий свет от окна красиво оттенял волнующее выражение моего лица, – клиент ожидаемо ошеломленно заморгал. Я развернулась к нему боком, давая рассмотреть все изящные изгибы моего тела и в довершение эффектно качнула рыжей копной шикарных волос. Мужчина покраснел.

Удовлетворенно улыбнувшись, я пригласила жестом его присесть и натренированным движением поставила свечу ровно в середину стола. Готовься, смертный! Еще немного – и я увижу восхищение не только моей внешностью, но и силой.

Я метнула взгляд на свечу и торжествующе перевела его на клиента, тот продолжал непонимающе тарашиться на меня. Совсем остолбенел, бедняга! Я повернулась к свече – и... увидела, что она продолжает стоять ровненьким столбиком, совершенно не планируя послушно распускать пламя. Я прищурилась еще и еще, ничего не происходило. Ладони стали мокрыми, я попробовала зажечь огонь взглядом в очаге – тщетно! Тогда я бросилась перед очагом на колени и стала торопливо разжигать огонь вручную трясущимися от нехорошего предчувствия руками. Клиент совсем напрягся, смотрел на меня безумными глазами, даже стал как будто меньше размером, очевидно, не понимая, что происходит,

но явно желая оказаться от меня подальше.

– Минутку! Сейчас все будет, – вышло жалко, я не убедила ни его, ни себя, – расскажите пока, в чем дело, что хотите узнать!

– Да я, собственно, так... Пожалуй, пойду, – он предпринял попытку подняться и героически проскользнуть мимо меня к выходу, но был пойман, схвачен и прижат моими трясущимися руками к лавке.

– Пожалуйста, останьтесь! Все бесплатно! Что Вы хотели? – я кусала прыгающие в гневе и бессилии губы, стараясь говорить ровно и мягко, но выходило отрывисто и со всхлипами.

– Узнать, изменяет ли мне жена, – видимо, пожалев меня, пролепетал он, боязливо водя глазами из стороны в сторону.

Пламя в очаге все же занялось с пятой попытки, я попыталась отряхнуть измазанные в золе руки и воззрилась на огонь, страстно желая, чтобы все оказалось дурным сном, и я увидела в огне пророческую картинку. Огонь равнодушно горел с красивыми синими отблесками, но даже не думал раскалываться, приоткрывая тайны и вообще предательски вел себя самым обычным, положенным пламени, образом. Понимая, что еще немного, и я разрыдаюсь в присутствии этого ни в чем не повинного мужчины, я из последних сил взяла в себя руки. Обмануть, но не потерять лицо, не подмочить репутацию семьи.

– Не изменяет, – как можно решительнее сказала я.

– Но я сам видел, я их застал... И мне говорили, что вы зажигаете огонь взглядом, что показываете картинки в огне, что я смогу сам все увидеть.

– Зачем же вы пришли, если видели сами, – грубо сказала я, понимая, что проигрываю, что делаю только хуже, что все выходит из-под контроля все больше и больше.

– Она говорит, что он её напоил, что это первый и последний раз, я люблю ее, мне надо знать точно.

– Простите, – мои глаза скрывали упавшие на них волосы, и он не мог видеть моих слез, – приходите в другой раз, сегодня ничего не получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.